

ДАЛЬНИЙ[®] ВОСТОК

2023

Российский
литературный
журнал

16+

май

3

июнь

Работы художника-ювелира Анастасии НОМАР

Мадам Помпадур. Сумочка, пояс, пряжка. Мельхиор, бархатный шнур. 2008 г.

Экстра. Колье. Серебро, оникс, черный жемчуг, черный моллюск. 2019 г.

Диптих. Романтика космоса. Колье. Серебро, дерево (кап березы), зуб кабарги. 2022 г.; Монада. Колье. Серебро, дерево (кап черемухи Маака), лабрадор, кварц. 2022 г.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Российский
литературно-художественный
журнал

Издается с октября 1933 года

2023 май 3 июнь

Учредитель

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Главный редактор

Александра НИКОЛАШИНА

Редакционная коллегия:

С. И. Вахрин	(г. Елизово, Камчатский край),
Т. И. Гладких	(Хабаровск),
Е. М. Крадожён-Мазурова	(Санкт-Петербург),
В. Г. Мехтиев	(Хабаровск),
А. В. Николашина	(Хабаровск),
М. И. Семченко	(Хабаровск),
В. В. Сукачёв	(Анапа),
Н. А. Тарасов	(Южно-Сахалинск),
Г. В. Быкова	(Благовещенск),
Г. П. Якунина	(Владивосток).

Издатель

КГБНУК ДВГНБ, Редакционно-издательский центр «Дальний Восток»

ХАБАРОВСК
2023

Содержание

ПРОЗА

- Юлия КОЖЕВА.** Два рассказа, *впервые в журнале* 3
Эльза ГИЛЬДИНА. Однажды ночью за мной придут, *главы из романа*..... 15
Анатолий ВАЛЕВСКИЙ. Королева Марго, *повесть* 48
Ирина ЛЕВИТЕС. Тиритомба, *песню пой... , рассказ* 83
Андрей ПУЧКОВ. Ранетки, *рассказ, дебют* 96
Юрий ХОБА. Бухта Кулычка, *маленькая повесть, впервые в журнале* 106

ПОЭЗИЯ

- Ольга АНДРЕЕВА.** «Параллели натянуты» 8
Николай ПОЛОТНЯНКО. Летите, журавли 43
Игорь ГОЛУБЬ. «Словечко с серьёзным весом» 77
Кирилл РАДЧЕНКО. «Живи для красоты» 90
Владимир ЗЮСЬКИН. «Жить так, как будто смерти нет» 102

ОКНО В ПРИРОДУ

- Надежда КРЕНЬ.** Два рассказа 123
Никита СВИКУЛЬ. Танин дед, *рассказ*..... 135

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Яков ШАФРАН.** Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации. Ударный механизм Западной цивилизации..... 140

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Анастасия НОМАР.** О преступлениях, концервах и мгновениях абсолютной свободы 156
Елена КРАДОЖЁН-МАЗУРОВА. Так что же такое фестиваль?..... 160

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Ойзер НАГИРНЕР.** Мемуары, *фрагменты* 165

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Татьяна ГЛАДКИХ.** «Царство рыб и куликов» 191
Александр БАЛТИН. Поэты Победы 198

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

- Марина ДУБИНИНА.** Виктор Тиц и Дальневосточный симфонический оркестр, *к 85-летию дирижёра*..... 210
Василий ШАРАПОВ. Рассказы 223

- АВТОРЫ НОМЕРА..... 234

Юлия КОЖЕВА

ДВА РАССКАЗА

СОЛДАТКИ

1916 год

— **А** ли подвезти? — чуть впереди остановилась телега.
— Да и подвези, — весело заторопилась Мария. — Ты, что ли, Федор Иванович?

— Я, али не признала? — отозвался старик. — Куда в такую рань правишь?

— Знамо, на базар, в Бежецк. Может, чего поторгую.

Молодая, ладно сложенная крестьянка, с небольшими серыми глазами, красивыми пухлыми губами и темно-русыми волосами, убранными под светлую косынку, удобно устроилась на подстилке из сена.

— Так и я туда. От Василия есть известия?

— Давно письма не было. А то под Ровно стояли против германцев.

Низкорослая рыжая лошадка тихонько бежала по пыльной сухой дороге мимо золотисто-белых полей ржи, бедных придорожных деревенок, редких перелесков из нежных прозрачных берез и темных кудрявых осин.

Еще с вечера Мария разложила по бумажным кулечкам свежие летние ягоды, приготовила корзину яиц да отрез нарядного сатина. Хорошо бы распродать нехитрый товар или сменить на мыло или соль.

До города от деревни было почти двадцать пять верст, но молодая женщина привыкла ходить пешком. Вставала пораньше, чтобы успеть на воскресную службу в светлый воздушный пятиглавый Воскресенский собор.

Ей нравилась и длинная дорога, когда можно побыть одной, обдумать житейское, и торжественная служба, и возможность поговорить на базаре с разными людьми — узнать последние новости.

В церкви она всегда стояла справа от главного входа, не близко к алтарю, у иконы Николая Чудотворца. Его, заступника, да Божью Матерь просила уберечь мужа, Василия Федоровича от вражеской пули, болезней и бед.

Мария молилась и изредка, в задумчивости, оглядывала храм. Иногда замечала знакомые лица — она хорошо запоминала людей и была приметлива на наряды. Вот бабы из близкой к Бежецку деревни Лютницы. Они часто бывают на службе. А эти старики живут далековато, в Чижово, что в семи верстах от ее родного Миновского, знать, приехали, как она, по делам и не стали пропускать обедню.

Молоденькая барыня в простом темном наряде с красивыми бусами темно-зеленого цвета и скромной черной шляпке привлекла внимание Марии. Ее она

видела и раньше. Обычно летом — наверное, та приезжала погостить. Тонкая фигурка, нос с горбинкой и всегда задумчивый взгляд выделял ее среди простых привычных лиц. Иногда барынька приходила с маленьким мальчиком, но сегодня стояла одна — сосредоточенная, прямая, устремив глаза на царские врата. Оттуда как раз вышел с Чашей священник, призывая благословение на Святые Дары.

После службы Мария сразу пошла на рынок — выбрала место, разложила товар и принялась выкрикивать — звать покупателей:

— А вот ягоды сладкие, только вчера солнышку кланялись! На полянке прожить-быть с ветром шептались, птицам лесным тайны свои сказывали!

У нее находились присказки на все случаи жизни. Так что родня и знакомые только диву давались — как она все это выдумывает.

— Как интересно вы, милая, рассказываете, — Мария и не заметила, что к ней подошла давешняя барыня из церкви. — Дайте-ка мне этих синих ягодок.

— Голубички-то? Вот, возьмите. А хотите, может, купить отрез на платье? С самого Петербурга привезла.

— Из Петербурга? Вот как, а что, бывали вы там? — заинтересовалась покупательница.

— Как же, с Василием моим жили — не тужили, пока немец, проклятый, войну не начал.

Мария была рада поговорить с новым человеком. Да еще с таким непростым — видно, из высокого общества.

— Это муж ваш? Василий?

— Муж, верно.

— Воюет?

— Уж второй год как забрали.

— И мой воюет, Николай. — барыня заметно погрустнела.

«Вишь, — подумала Мария, — барин, значит, военный у нее».

— А что, есть у вас детки? — помолчав, спросила интересная собеседница.

— Как же, Танюшка, дочка. Уж второй год ей.

— А моему Левушке четвертый.

Оказалось, они очень похожи — простая крестьянка и столичная гостья, волею судьбы попавшая в старинный провинциальный городок, тихо дремлющий вдалеке от оживленных торговых дорог.

— Значит, обе мы солдатки с вами, — печально улыбнулась барыня, принимая кулечек с ягодами.

— Выходит, что так.

Мария быстро расторговалась и собиралась в обратный путь. Она сидела на ступенях большого каменного магазина — поджидала своего утреннего попутчика, который обещал довести до села Поречье. А там до деревни рукой подать.

— Милая, не знаю, как вас зовут, — вдруг окликнул ее знакомый голос. — Возьмите-ка гостинчик для доченьки.

— Марией, — она машинально протянула руку и приняла кулечек конфет.

— А меня Анной.

— Будем знакомы, — улыбнулась Мария, — очень вам благодарные.

Белые с серой каймой облака окрасились розовым цветом, когда довольная удачным днем Мария вернулась домой.

Маленькая Танечка сразу запросилась на руки, хотя скучать ей особо не пришлось. В деревне было много ребятни ее возраста, которая целыми летними днями пропадала на улице под присмотром девчат постарше.

— А вот погляди, какой гостинец тебе лисичка прислала, — Мария уселась к столу и высыпала горсть конфет в ярких обертках. — Угости бабушку и дедушку, а эти отложим до поры.

Женщина присмотрелась к бумаге — это была не привычная газета, в которую заворачивают покупки. Белая, плотная, с каким-то текстом. Мария, которая умела и любила читать, с любопытством стала разбирать чернильную вязь.

*Небо мелкий дождик сеет
На зацветишую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.
Нынче другу возвратиться
Из-за моря — крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.*

«Как вроде песня, только непривычная, не наша», — решила она и вложила аккуратно сложенный листок в старинную книгу.

ПОКРОВ

1942 год

— **П**оберегись, бабоньки!
Затрещала, вскрикнула навзрыд стройная сосна и сперва медленно, а потом жутко быстро легла на молодую поросль.

— И хорошо, и управили тебя, милая, — как к живой обратилась к ней старшая, Евдокия Ильинична, — завтра ветки обрубать станем, а то темно уж.

— А мы ж завтра домой, али поменялось чего? — забеспокоилась молоденькая Верочка.

— Домой, домой, вот сменщиков дождемся, и отправимся.

В лесу стремительно засерело, так, что уже плохо было видно говоривших. Но у времянки затрещал огонь, и по тропке, которую за день натоптали к месту валки, к нему двинулись уставшие женщины.

На бревнах у костра их собралось чуть больше десятка — лесорубов поневоле, заменивших воевавших второй год мужчин.

Стылый октябрь стремительно смывал зелень и тепло, готовил землю к долгой зиме.

Трудно было разобрать под одинаковыми темными телогрейками и платками юных девчонок, молодых женщин, степенных матерей, которые проводили на фронт женихов, мужей, сыновей. Всех сравняла проклятая война.

— Что, Татьяна так и нет весточки от Николая? — тихо спросила у соседки Верочка. Она хоть и числилась Татьяне родней, но жила в дальней деревне, куда доходили не все новости.

— Так и нет, как с финской письмо пришло последнее, так и пропал.

Семей, у которых оборвалась с воевавшими любая связь, в деревне пока было немного. И их судьба вызывала и живое сочувствие, и безотчетный страх...

— А молодежь, слышь, опять на окопы погонят, — вздохнула Евдокия Ильинична, чем положила начало неспешной вечерней беседе.

— Да, ребятам бы школу закончить, а они все работают.

— Какая школа — война же.

— Что ж, что война, закончится ведь.

Помолчали, повздыхали.

— А что, Татьяна, Иван, брат, пишет?

— Пишет матери редко. На «Катюше» он ведь у нас воюет. Страшно и подумать.

— Фрицы пусть боятся, — задорно вставила словечко Верочка, — ух, в хронике показывали, ровно тысячи молний с громом сверкают, как наши по ним бьют.

— Это верно, — одобрительно закивали бабы.

— А твой Василий с Михаилом как?

Все обернулись к Пелагее Федоровне, у которой всего два месяца назад в армию ушли сразу двое сыновей.

— Под Ленинградом пока. Пишут, все хорошо, бьют фашистских гадов.

Так скупо писали почти все мужчины. Оно и понятно — словами не передать того, что творилось на фронте. Да и к чему лишний раз волновать родных? Главное жив — не ранен, не болен. Об остальном можно было судить по сводкам с фронта по радио и газетным репортажам о подвигах советских солдат.

Татьяна слушала тихий разговор, а мысли незаметно уплывали, принимались кружить вокруг своих дум. Муж Николай пропал в первые дни войны. «Без вести» — так было указано в скупой телеграмме. Родня успокаивала, мол, пропал, не погиб, всякое бывает. И то верно, уже не раз рассказывали, как находились такие пропавшие без вести. Кто из госпиталя весточку слал, а кто и в недолгий отпуск приходил.

Еще переживала за сестренку. Пашку, младшую, то и дело отправляли рыть окопы. Она исхудала, осунулась — так уставала, изматывалась на трудной работе. От Анны вообще не было вестей — она осталась в блокадном Ленинграде. Жива ли?..

Ночи уже были с морозцем — и в небе ярко светила луна и разгорались звезды. Холодные, спокойные, как будто и не было никакой беды на земле.

Татьяна проснулась привычно рано. Сегодня должны приехать сменщики, можно полежать подольше, все равно на работу уже никто не пойдет. Но она задумала приготовить гостинец сыночку, Толеньке. Пару дней назад недалеко от их делянки приметил поляну с клюквой. Собирать ее было некому, да и некогда. А сегодня время появилось — то-то будет мальчонке радость.

Она тихо выскользнула на улицу. Серая тьма поначалу напугала — куда идти, когда ничего не разглядеть. Но потом глаза привыкли, и она поняла, что небо затянуто не такие уж плотные облака, через которые нет-нет да проглядывал бледный предутренний свет. Еле приметно светлел восток, значит... да, вот и тропка. По ней дойти до делянки, а там станет понятно, где искать заветную полянку.

Ягоды, подбитые морозцем, были очень вкусные. И крупные уродились! Татьяна принялась собирать их в газетный кулек и думала, думала...

Толюшке скоро семь, через год, даст Бог, пойдет в школу. Маленький он, а, как и все мальчишки, старается доказать, что уже мужчина, помощник. Смешной такой.

— Вот, мамка, рыбы наловил, жарь! — скажет, иной раз, серьезно так, заявившись с утренней или вечерней рыбалки. — Почистил уж, гляди.

Помощник! И дров принесет, бывало, даже колоть уже пробовал. За дедом ходит, приглядывает, как мужскую работу ладить. Хорошо, что успели они с Коленкой хоть одного сына родить.

Эх, Коля, Коля... И до войны-то подолгу дома не жила. Все по заработкам разъезжал. Однажды приехал, и не узнать: весь черный от солнца, чисто индус,

каких в кино показывают. В Ташкенте работал — в такую далищу занесло. А в 1939-м призвали в армию, отправили на финскую — больше и не виделись.

Татьяна очнулась от печальных дум и не сразу поняла, что произошло. Неуловимо изменилось все вокруг. Выбелились земля и деревья первым снегом. Первым, но довольно густым, не крупа сыпала с неба — крупные тяжелые хлопья.

Женщина оглянулась и поняла, что уже занесло тропу, по которой она пришла, деревья превратились в белых близнецов, а просвет, в который выглядывало солнце, затянули тяжелые низкие тучи.

Как найти дорогу обратно? И недалеко от людей, но докричится ли до них. Ноги стали тяжелые, все тело заглодело, а в голову полезли пугающие воспоминания о сгинувших в лесу земляках. Такие истории приключались нечасто, но помнили о них долго. Вот и ее найдут по весне на этой полянке, скажут, «как же так — ведь близко совсем была, а не нашли»...

«Матушка, Богородица, что же это? Снег откуда-то взялся, а ведь вчера солнце в облака не садилось. Помогите, заступница, не оставьте меня», — слова складывались в простую сердечную молитву, и страх понемногу отступал.

Татьяна сняла платок и, не сходя с места, оглядела всю поляну. Надеялась вспомнить, откуда пришла. Жаль, не примечала деревья, — надеялась на солнце, оно должно было легко вывести обратно. Тихо, очень тихо, хоть бы какие голоса услышать, неужто еще не проснулись, не зашумели бабоньки.

Сколько времени прошло? Сколько стояла и просила о помощи Заступницу, Татьяна не понимала. Но вот ей послышался тихий звон. Возможно ли? От напряжения этот звук образовался внутри нее или так звенит тишина?

Колокола. Теперь она узнала их — привычные, родные. Слишком редко звучали они в последние годы на колокольне Троицкого храма. Она живо представила, где, относительно их делянки, находилось село. Повернулась — и бесстрашно зашагала между деревьев.

Татьяна шла, и звук становился глубже, сильнее. Спокойный, призывный.

«Да ведь сегодня Покров!» — осенила простая мысль. Вот почему звонят, значит, служба началась.

Первый снег, Покров, а в кармане — вкусный гостинец для сыночка. Татьяна улыбнулась и увидела, как прямо перед ней в просвете низких облаков блеснуло прохладное октябрьское солнце.

